

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1099–1114, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1099-1114

Екатерина II как воплощение Белой Тары: обожествляли ли буряты Романовых?

Николай Владимирович Цыремпилов¹

¹ Назарбаев Университет (53, пр. Кабанбай-батыра, 010000 Астана, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, ассоциированный профессор

 0000-0002-0749-6569. E-mail: [nikolay.tsyrempilov\[at\]nu.edu.kz](mailto:nikolay.tsyrempilov@nu.edu.kz)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Цыремпилов Н. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Традиция почитания бурятскими буддистами российской императрицы Екатерины II как земного воплощения просветленной буддийской богини Белой Тары рассматривается исследователями как бесспорный исторический факт и не ставится ими под сомнение. Однако внимательный анализ бурятских письменных источников и российских исторических документов проблематизирует это утверждение. *Цель* исследования — на основе сопоставления и анализа документальных, нарративных и фольклорных источников на бурятском, русском и тибетском языках внести ясность в вопрос о реальных взаимоотношениях между бурятскими буддистами и Екатериной Великой. *Результаты.* В статье установлено, что утверждение о признании Екатериной II в 1767 г. титула Бандидо Хамбо-ламы восходит лишь к бурятоязычным письменным источникам и не находит подтверждений в российских исторических документах. Анализ русскоязычных источников, среди которых письма и сочинения самой Екатерины, позволяют сделать вывод, что отношение императрицы к подданным «ламаитам» диктовалось ее внешнеполитическими планами в Азии и характерным для европейского Просвещения пренебрежением к архаичным культурам «сибирских идолопоклонников», к которым, наряду с анимистами и шаманистами, ученые XVIII в. относили и буддистов. Анализ сохранившихся бурятских источников, среди которых исторические летописи и биографии, также не подтверждает мнение о существовании развитого культа почитания Екатерины II как воплощения богини Белой Тары. Такие свидетельства, тем не менее, сохранились в песенном фольклоре и религиозной поэзии бурят, но следует учитывать, что речь, по всей видимости, идет о поздних образцах, датирующихся концом XIX – началом XX в. Именно этот период характеризуется широким распространением идеи о святости дома Романовых в глазах буддистов, за которым могут стоять видные лидеры мнений российского истеблишмента, продвигавшие идею экспансии российских интересов вглубь буддийской Азии.

Ключевые слова: бурятский буддизм, Российская империя, Екатерина II, Белая Тара, Бандидо Хамбо-лама, обожествление

Для цитирования: Цыремпилов Н. В. Екатерина II как воплощение Белой Тары: обожествляли ли буряты Романовых? // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1099–1114. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1099-1114

Catherine II as an Incarnation of White Tara: Did Buriats Deify the Romanovs?

Nikolay V. Tsyrempilov¹

¹ Nazarbayev University (53, Kabanbay Batyr Ave., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-0749-6569. E-mail: nikolay.tsyrempilov[at]nu.edu.kz

© KalmSC RAS, 2023

© Tsyrempilov N. V., 2023

Abstract. *Introduction.* The tradition of worshipping the Russian Empress Catherine II by Buryat Buddhists as an earthly incarnation of the enlightened Buddhist deity White Tara is regarded as an established historical fact by researchers (and officials of Russia’s largest Buddhist organization ‘Buddhist Traditional Sangha of Russia’), and has never been questioned. Yet a careful analysis of Buryat written sources and Russian historical documents makes the statement somewhat problematic. *Goals.* The article attempts a comparative insight into a range of documentary, narrative and folklore sources in Buryat, Russian and Tibetan to clarify the issue of actual relationships between Buryat Buddhists and Catherine the Great. *Results.* The paper establishes that the statement insisting the title of Bandido Khambo Lama was recognized by Catherine II in 1767 goes back only to Buryat written sources — and is not corroborated by Russian historical documents. Our analysis of Russian-language sources, including letters and writings by Catherine II, makes it possible to surmise that the Empress’s attitude towards her ‘Lamaist’ subjects was dictated by her foreign policy plans in Asia and the Renaissance disregard for archaic cultures of ‘Siberian idolaters’ believed by eighteenth-century scholars to comprise Buryat Buddhists too. Insights into the surviving Buryat sources, including historical chronicles and biographies, also do not confirm the existence of a developed cult of venerating Catherine II as incarnate goddess White Tara. Nevertheless, such evidence has been preserved in Buryat song folklore and religious poetry but it should be borne in mind that, apparently, those are modern narratives dating from the late nineteenth and early twentieth centuries. It is the latter period that was characterized by the wide dissemination of the idea of the sanctity of the Romanov Dynasty in the eyes of Buddhists, which may have been backed by prominent opinion leaders of the Russian political establishment to further promote the concept of Russia’s expansion deep into Buddhist Asia.

Keywords: Buryat Buddhism, Russian Empire, Catherine II, White Tara, Bandido Khambo Lama, deification

For citation: Tsyrempilov N. V. Catherine II as an Incarnation of White Tara: Did Buriats Deify the Romanovs? *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1099–1114. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1099-1114

1. Введение

В августе 2019 г. в Государственном Эрмитаже состоялась торжественная церемония передачи бронзового бюста российской императрицы Екатерины II настоятелю Анинского дацана Легсоку Дарижа-

пову. По словам пресс-секретаря крупнейшей буддийской организации Российской Федерации «Буддийская традиционная сангха России» (далее — БТСР) Аллы Намсараевой, оригинальный мраморный бюст был передан самой императрицей

бурятским депутатам в 1764 г., однако в 1930-е гг., в период гонений на религию в СССР, бюст, более полутора века хранившийся и почитавшийся как святыня в Ачинском дацане, был уничтожен [Возвращение Екатерины 2020]¹. Во время церемонии вручения современной реплики реликвии в самом дацане глава Республики Бурятия Александр Цыденов сказал:

Я поздравляю всех с таким значимым событием — возвращением бюста императрицы, которая утвердила Институт Пандито Хамбо лам и сделала независимой буддийскую религию в Российской Федерации. Бюст из Санкт-Петербурга проделал большую дорогу, прошел по России таким же наземным путем, как и в исторические времена и сейчас возвращается на историческую родину [В Бурятии прошло 2019].

В этом высказывании высокопоставленный чиновник повторил формулу, которая в постсоветском российском обществе уже успела стать бесспорной. Императрицу Екатерину Великую считают представительницей династии Романовых, первой признавшей институт Бандидо Хамбо-лам² и тем самым легитимировавшей централизованную буддийскую общину в России. В связи с историей бурятской буддийской сангхи нередко упоминается и другая русская монархиня — Елизавета I Петровна, которой приписывается признание буддизма в Российской империи. Официальные представители БТСР иногда упоминают этих двух русских императриц в паре:

Две русские царицы, утвердившие буддизм в России — Екатерина II и Елизавета Петровна — действительно вошли в наш пантеон в качестве богинь, Белых Тар. Возможно, это было благодарностью за их покровительство буддизму. Одна в 1741 г. официально утвердила в России буддизм,

¹ В бурятских исторических источниках и архивных документах нами никаких упоминаний о данном артефакте пока не найдено. Вероятно, его история сохранилась только в изустной традиции.

² Существует как минимум два наиболее распространенных варианта написания данного титула. Хотя Буддийская традиционная сангха России использует вариант «Пандито Хамбо лама», автор данной работы, как и ряд других исследователей, предпочитает вариант «Бандидо Хамбо-лама», использовавшийся в официальных русскоязычных документах с конца XVIII в.

другая в 1763 г. определила его юридический статус [Хамбо лама 2013: 23]³.

О том, насколько проблематично утверждение о роли Елизаветы Петровны в истории буддийской общины России, было написано в более ранней публикации автора [Цыремпилов 2014]. Данная же статья посвящена месту и роли Екатерины II в истории бурятской буддийской общины, которые в наше время часто описываются как выдающиеся. Мнение нынешнего Бандидо Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева о том, что буряты обожествляли Екатерину Великую, считая ее воплощением буддийской богини Белой Тары, кажется, никем не ставится под сомнение⁴. При этом и Хамбо-лама, и другие представители БТСР, и даже ученые-исследователи неизменно ссылаются в этом вопросе на «традицию», не приводя никаких документальных исторических свидетельств в пользу утверждений о том, что: а) Екатерина официально признала должность Бандидо Хамбо-лам и б) что она признавалась бурятами воплощением (реинкарнацией, манифестацией) Белой Тары. Возможно, что исторических свидетельств в пользу обоих утверждений вовсе не существует (исследователи на данном этапе могут о них просто не знать), в данной работе ставится цель на имеющемся материале, что эти утверждения как минимум проблематичны и нуждаются в серьезном анализе и уточнении.

Одной из задач исследования является анализ того, что сохранившиеся источники и архивные материалы говорят о взаимоотношениях российской императрицы Екатерины Великой с бурятскими буддистами и насколько современный дискурс об этом согласуется с имеющимися в данный момент в распоряжении историков материалами. В данной статье мы приходим к трем выводам: 1) не существует надежных свидетельств признания Екатериной II должности Бандидо Хамбо-лам; 2) взгляд Екатерины на буддистов определялся ценностями Просвещения и господствовавшим тогда в этнографии мнением о противопоставленности

³ Пресс-секретарь БТСР Алла Намсараева в своей книге также сообщает, что Дамба-Даржа Заяев объявил обеих императриц воплощением богини Белой Тары [Намсараева 2019: 70].

⁴ См., например, статью «Тара (буддизм)» в русскоязычной Википедии, где сходное утверждение дано без ссылки на источники [Тара (буддизм)].

этой веры европейским ценностям; 3) имеющиеся первичные источники говорят о том, что обожествление Екатерины II бурятами является в основном частью устной песенной традиции, слабо отразившейся в письменных источниках. Следует отметить, что выводы статьи также не имеют прямых доказательств и построены на анализе имеющихся материалов.

Для анализа взаимоотношений Екатерины II с бурятскими буддистами привлечены материалы сочинений бурятских авторов XVIII – начала XX вв., фольклорные материалы, произведения самой Екатерины II, архивные документы, русская публицистика и исследования других историков. Для изучения поднятых вопросов источниковая база недостаточна широка, но «свидетельством» того или иного исторического факта может служить и отсутствие материалов, что весьма актуально для предмета данной статьи.

2. Признание Екатериной титула Бандидо Хамбо-лама

Первым вопросом, который требует внимательного изучения, является якобы имевшее место признание императрицей Екатериной II титула Бандидо Хамбо-лама, держателем которого на тот момент являлся Дамба-Даржа Заяев. Как известно из источников и научной литературы, Д.-Д. Заяев к середине XVIII в. фактически возглавил монашескую общину в Забайкалье. Он обладал высокой в тибето-монгольском буддийском мире религиозной образованностью, стал основателем и настоятелем первого бурятского дацана (буддийского монастыря), получившего имя Балдан Брэйбун. Летом 1766 г. Дамба-Даржа Заяев смог добиться от местных российских властей признания своего почетного титула Бандидо Хамбо-лама. Сразу несколько источников указывают, что этот титул был признан за Д.-Д. Заяевым указом Троицкосавской Канцелярии по пограничным делам [Институт 1911: 617; Записка Чимитова. Л. 1; Бурятские летописи 2023: 120; Очерк о ламаизме 1905: 18; Вашкевич 1885: 38–39]¹.

¹ Канцелярия по пограничным делам в Троицкосавске была учреждена в 1728 г. для охраны границ и развития торговых отношений с Цинской империей. Канцелярия также ведала делами приграничного населения.

Год спустя Дамба-Даржа Заяев был избран депутатом от селенгинских бурятских инородцев для участия в работе созданной Екатериной II Уложенной комиссии. Во время пребывания Д.-Д. Заяева в Москве и Петербурге российская императрица удостоила его личной аудиенции. Бурятские источники говорят, что Д.-Д. Заяев получил возможность лично побеседовать с Екатериной II, получить от нее разрешение для бурят исповедовать буддизм и признание первенства в буддийской сангхе своего титула Бандидо Хамбо-ламы [Бурятские летописи 2023: 121, 220]. Не только современные представители буддийской общины, но и многие исследователи считают это свидетельством официального признания Екатериной II института Хамбо-лам [Чимитдоржин 2004: 20; Жуковская 2013; Ванчикова 2008: 35; Успенский 2015: 8].

Письменные первоисточники, однако, расходятся в оценке этого события. Так, в «Путевых заметках» и агиографии Дамба-Даржа Заяева «Яркая заря», написанной Агваном Доржиевым, говорится лишь о том, что на этой встрече он «обсуждал вопросы благополучия религии и подданных» (тиб. *bstan 'gro'i phan bde spel ba'i bka' mol yang yang byung ba*)² [Ванчикова 2006: 42; LTWA. Д. 17310. Л. 125].

В «Путевых заметках» также говорится, что Д.-Д. Заяев представил прошение Екатерине, состоявшее из 22 пунктов и касавшееся различных вопросов светской и религиозной жизни бурят. Большинство пунктов прошения, согласно источнику, были удовлетворены императрицей (тиб. *sbo r'ad thu'i bstan srid kyi bde thabs su don tshan nyer gnyis yod pa'i snyan zhu phul ba 'di lta ste, snyan zhus phal mo che grub 'dug pa*) [LTWA. Д. 17310. Л. 125].

Другие бурятские источники, такие как «Предание о хождении Заяева за Учением», «Как религия Будды распространилась на бурятской земле» Буян-Далай-дорамбы и «Краткая история шести племен и вось-

² К сожалению, Ц. П. Ванчикова в своей книге [Ванчикова 2006] не дает ни факсимиле, ни транслитерации «Путевых заметок» (*Yabudal-un temdeg*). Рукопись хранится в Монгольской коллекции М I-262 Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Колофон сообщает, что текст был составлен в 1917 г.

ми родов» утверждают, что по результатам встречи с императрицей Д.-Д. Заяев был утвержден Хамбо-ламой и депутатом от пяти селенгинских дацанов с правом строить монастыри и посвящать в монахи [Ванчикова 2006: 39; Rinchen 1959: 63, 140; Majer, Teleki 2008: 485]. Ведущие бурятские летописцы Тугульдур Тобоев и Вандан Юмсунов, создавшие свои сочинения в 1863 г. и 1887 г. соответственно, сообщают нам, что на аудиенции у императрицы Д.-Д. Заяев был утвержден в звании депутата [Бурятские летописи 2023: 74, 121]. Из летописи селенгинского хрониста Дамби-Жалцана Ломбоцыренова 1868 г. мы узнаем, что Д.-Д. Заяев был утвержден в звании Бандидо Хамбо-ламы «указом, скрепленным белой печатью», а также «награжден золотой медалью на Андреевской ленте» (bandida mkanbova tusiyaldu batuluysan čaγan tamaγa-tu jarliy: altan dūri küjügün-dū jegükü andiribski čengkir oγusurtai kürtejü) [Летописи селенгинских 1936: 20–21; Бурятские летописи 2023: 214–215]¹. Вероятно, именно из этого источника сведения об утверждении Екатериной своим указом титула Бандидо Хамбо-лама попадают в русские источники и становятся расхожим фактом.

Внимательное изучение более ранних документов и источников заставляет несколько усомниться в сведениях Ломбоцыренова. Так, когда в начале XIX в. обострилась дискуссия между Цонгольским и Гусиноозерским дацанами за первенство в буддийской общине Забайкалья, Иркутское губернское правительство, «извлеки историческое о сем предмете сведение», признало лидерство цонгольских лам [ЦВРК. Архивный фонд. Инв. № 399. Л. 16]. Хотя в конце концов правительство и вынуждено было решить вопрос в пользу лам Гусиноозерского дацана, оно ссылается на решение Удинской провинциальной канцелярии 1778 г. о праве племянника Дамба-Даржа Заяева Содномпила Хетурхеева на титул Хамбо-ламы, но не упоминает екатерининский указ [ЦВРК. Архивный фонд. Инв. № 399. Л. 16].

¹ В одной из своих статей Н. Л. Жуковская убедительно продемонстрировала, что этот орден был всего лишь памятной медалью об участии в работе Комиссии [Жуковская 2001: 84–90].

В разборе спора между бурятскими ламами упоминается лишь Высочайший указ от 22 февраля 1784 г., гласивший: «непременное императорского величества желание есть, дабы всем, какого бы рода или закона ни был, пользоваться неотъемлемо преимуществами, к коим порода его, от заслуженных предков происходящая, или же отменные личные заслуги дают ему право» [ЦВРК. Архивный фонд. Инв. № 399. Л. 16].

Тщательный разбор дошедших до нашего времени указов Иркутского губернского правительства с 1764 по 1809 гг., касающихся дел бурятских лам, также не выявляют каких-либо ссылок на указ Екатерины об утверждении Д.-Д. Заяева в должности Бандидо Хамбо-ламы, хотя в некоторых из них присутствуют ссылки и на более ранние указы и распоряжения. Высочайшие указы, имевшие отношение к утверждению должности Бандидо Хамбо-ламы, не упоминаются и в многочисленных служебных документах, в которых обсуждаются дела бурятских буддистов.

Можем ли мы на этом основании делать вывод, что Екатерина II не определяла направление российской политики в отношении сибирских «ламаитов»? Думаю, этот вывод был бы неверным. Выше мы уже видели упоминание ее указа о необходимости признания породных прав инородцев. Мы также знаем, что Екатерина ограничивала вмешательство миссионеров в дела иноверных исповеданий². Однако конкретные вопросы признания преимуществ одних дацанов над другими или одного титула над другим решались чиновниками на местном уровне — Пограничной и провинциальными канцеляриями и Иркутским губернским правительством. По всей видимости, в XVIII в. дела «бурятских ламаитов» все еще не имели достаточного значения для имперских властей, чтобы по их поводу принимались Высочайшие постановления³.

² В 1773 г. Екатерина утверждает указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных вероисповеданий и до построения по их законам молитвенных домов», а в 1797 г. — указ о свободе религий, за исключением католической пропаганды в Польше.

³ См. о более ранних императорских указах в отношении буддистов в одной из статей автора [Цыремпилов 2014].

3. Отношение Екатерины II к буддистам

Можем ли на основе доступных источников судить о личном отношении Екатерины к сибирским «ламаитам»? На этот счет у историков имеются скудные сведения, но и на их основе можно делать предварительные выводы. В период личного знакомства Екатерины II с буддийским первосвященником она могла серьезно интересоваться перспективами расширения влияния России во Внутренней Азии и Гималаях. Британский дипломат и путешественник капитан Сэмюэл Тернер в 1783 г. сообщал, что Россия в этот период «сделала несколько попыток распространить свою торговлю на внутренние области Тибета, однако нежелание тибетцев вступать в сношения с новыми иностранными державами и ревнивая бдительность китайцев препятствовали до сего времени осуществлению подобных намерений» [Turner 1800: 272; Андреев 2006: 48]. Если такие попытки со стороны России действительно предпринимались, то они могли быть сделаны под непосредственным влиянием рассказа Д.-Д. Заяева о его пребывании в Тибете, который он представил Екатерине II и генеральному прокурору Сената [Сазыкин 1989: 118–120]. Если Россия и пыталась распространить свое влияние на Тибет в конце XVIII в., то тогда эти попытки ничем не кончились. Однако, как известно, они были предприняты вновь через столетие, и снова бурятские ламы играли здесь важную роль¹.

Возвращаясь к вопросу об отношении Екатерины к своим подданным, исповедовавшим буддизм, нужно обратить внимание на то, какими знаниями об этой религии располагали в России в то время. Начнем с того, что сколько-нибудь определенные представления о буддизме в Европе складываются лишь начале XIX в. вместе с подъемом исследований в индийской, тибетской, монгольской и китайской филологии [King 2021: 34–59].

Разумеется, даже в начале XIX в. мало кто связывал сибирское ламайство с буддизмом, что уж говорить о конце XVIII в. Исследовавшие Сибирь в екатерининское время немецкие путешественники — Петр

¹ О роли бурят во внешней политике Российской империи существует обширная литература. См., например: [Андреев 2006].

Симон Паллас (1741–1811) и Иоганн Готлиб Георги (1729–1802) осуществляли свои изыскания по инициативе самой императрицы, которая живо интересовалась природными богатствами и населением своей империи [Гирченко 1939: 45–47].

Несомненно, Екатерина читала работы путешественников, и они могли оказывать на нее серьезное влияние. В третьем томе «Путешествий по разным провинциям Российского государства» П. С. Паллас излагает свои наблюдения о сибирском «ламаизме», которые выдержаны в весьма критическом тоне. «Ламаизм» характеризуется им как «идолопоклонство», «колдовство» и «суеверие», что было обычными характеристиками буддизма в России еще долгое время и после П. С. Палласа. Тем не менее ученый считал, что «ламская вера» отличается от «шаманства» в лучшую сторону, ибо «по крайней мере, содержит в себе некоторые элементы морали» (нем. *der wenigstens mit einiger Moral begleitet ist*) [Паллас 1778: 177]. Несмотря на присутствие в учении лам нравственных основ, сами ламы, по его мнению, едва могли служить ее образчиками. Он называет их «кровопийцами» (нем. *Blutigel*), которые высасывают соки из своего народа [Pallas 1801: 130]. Эти характеристики П. С. Паллас распространяет и на Дамба-Даржу Заяева, с которым он встречался в Цонгольском дацане. По мнению П. С. Палласа, это был «подобострастный старик, который, вопреки правилам ламаизма, пил водку, как воду, и предоставлял полную свободу в этом отношении также и подчиненному ему духовенству (нем. *Es war ein krichender Greis, der, wider die Ordensregeln den Brantwein wie Wasser trant und auch seiner Clerißen dazu Dispensation ertheilte*)² [Pallas 1801: 125].

² Интересно, что один из упоминавшихся письменных источников «Предание о хождении Заяева...» подтверждает тот факт, что Д.-Д. Заяева видели пьяным, но объясняет это его намерением заставить тем самым других бросить пить алкоголь [Ванчикова 2006: 39]. Агван Доржиев в написанной им агиографии первого Хамбо-ламы «Яркая заря» утверждает, что Д.-Д. Заяева в чем-то обвиняли монахи его собственного монастыря, но в целом изображает Д.-Д. Заяева как хранителя строгой нравственности [LTWA. Д. 17310. Л. 127–128].

Насколько сильным было влияние этнографов на мнение самой Екатерины II о буддистах и Хамбо-ламе Д.-Д. Заяеве, с которым она познакомилась гораздо раньше П. С. Палласа, можно в какой-то степени судить и по другим источникам. Как известно, Екатерина Великая была драматургом и автором целого ряда театральных пьес. Одна из них — «Шаман Сибирский», законченная ею в 1786 г. [Екатерина 1786]. Эта пьеса входит в так называемый неоклассический антимасонский драматургический триптих Екатерины, который был направлен на борьбу с увлечением мистицизмом, масонством, целительством, магнетизмом и месмеризмом, которым характеризовалось европейское и русское общество того времени [Проскурина 2017: 153–154]. Убежденная сторонница ценностей Просвещения, Екатерина через фигуры графа Калиостро (Калифалкжерстон) и сибирского шамана Амбан Лая пыталась показать пагубность этих увлечений¹.

Пьеса «Шаман Сибирский» была последним произведением триптиха, в котором Екатерина пыталась высмеять новые веяния в западном обществе через фигуру восточного колдуна и целителя [O'Malley 1997: 224–242]. Нарратив пьесы построен вокруг семьи Бобиных, которые недавно переехали из Иркутска в Санкт-Петербург, взяв с собой иркутского шамана по имени Амбан Лай. Шаман занимается лечением от недуга дочери Бобиных Прелесты. По ходу пьесы мы узнаем, что Амбан Лай родился на цинско-российском пограничье в семье ургинского амбаня и в прошлом был подданным Цинской империи. Он был отдан на обучение «мунгальским шаманам» и выучился у них грамоте. Некий «китайский двоюродный» усыновил его, и вместе с ним Амбан Лай попадает на российскую территорию. Он лечит Прелесту различными снадобьями и отварами и одновременно оказывает услуги и другим просителям [Екатерина 1786: 21]. После мошеннической попытки исполнить

¹ Калифалкжерстон (граф Калиостро) является героем другой пьесы Екатерины II — «Обманщик». Исследователь Манфред Шуба полагает, что если пьеса «Обманщик» сосредоточена на проблеме лжефилософии и лженауки, а «Обольщенный» на лженравственности, то пьеса «Шаман Сибирский» сфокусирована на лжерелигии [Проскурина 2017: 134].

желание одной купчихи повидать своего умершего мужа Амбан Лай попадает под арест. Собственно главным героем пьесы является не сам шаман, а его простодушные и доверчивые клиенты.

Исследователи, занимающиеся творчеством Екатерины Великой, подчеркивая условность фигуры шамана, считали его метафорой европейских мистических лжеучений и масонства, нарастающей популярностью которого Екатерина была очень серьезно озабочена [Проскурина 2017: 155]. И дело не только в том, что она считала масонский орден неконтролируемым каналом политического влияния, которому был подвержен даже ее сын — цесаревич Павел, но и потому, что масонство и другие мистические движения Европы, особенно розенкрейцеры, противоречили ценностям и идеалам французского Просвещения, которым она верно следовала. Как заметил один из исследователей:

Комедия [Шаман Сибирский] шла под знаком борьбы за «здравую философию», разум и здравый смысл, — все ключевые категории просветительского дискурса упомянуты в письме [Екатерины немецкому интеллектуалу барону Гримму] именно в связи с этой комедией. Месмеризм, магнетизерство, целительство, как и масонство, приравненное к шаманизму, рассматривались императрицей как часть атаки на Просвещение, и в этом плане Екатерина чувствовала себя в середине 1780-х годов одиноким бойцом из стана поборников уходящего века рационализма [Проскурина 2017: 154].

В связи с вопросами, поставленными в данной статье, представляет интерес фигура Амбан Лая, которую сама Екатерина называет шаманом, и с этим, кажется, согласны все исследователи, занимавшиеся пьесой. Сузи Франк утверждает, что шаманы в Петербурге XVIII в. были уже известным явлением, приводя ссылки на царские указы, предписывающие выписку шаманов из Якутского уезда² [Франк 2006: 51].

Во второй половине XVIII в. описания шаманов появляются в научных отчетах Академии наук и интеллектуальных сочинениях, с одним из которых Екатерина

² Андрей Знаменский утверждает, что ни один из этих шаманов так и не доехал до Санкт-Петербурга [Znamenski 2007: 9–10].

была точно была знакома¹. В этой литературе шаманство неизменно описывалось в негативных терминах как трюкачество, шарлатанство и даже сатанизм. Не только шаманизм как таковой, но и пространство «архаической» азиатской России представлялись Екатерине резко контрастирующим с просвещенной столичной метрополией. Именно поэтому Екатерина использует фигуру сибирского шамана как метафору европейского мистицизма, тем самым проводя идею о нем как о вредном и регрессивном тренде, отбрасывающем Европу в архаику².

Хотя нельзя не заметить собирательность и эклектичность образа шамана, в фигуре Амбан Лая видны черты буддийского ламы, а именно Дамба-Даржа Заяева, с которым Екатерина встречалась за 20 лет до написания пьесы. Некоторые детали говорят в пользу этой гипотезы. Во-первых, согласно данным, излагаемым в пьесе, родители Амбан Лая, как и семья первого Бандидо Хамбо-ламы, происходили из Цинской империи и мигрировали на территорию России в начале XVIII в. [Бурятские летописи 1995: 144]. Во-вторых, в отличие от традиционных шаманов, которые являются частью бесписьменной традиции, Амбан Лай обучался грамоте, писал «по-мунгальски» и имел непременно атрибутом «китайскую книгу». Находясь в Петербурге, Амбан Лай даже открывает «шаманскую» школу, в ко-

¹ В частности, она могла читать статьи «Schamans», «Jakutes» and «Tartares ou Tatars», включенные в «Encyclopédie», энциклопедию, вдохновенную духом Просвещения, издававшуюся в период с 1751 по 1772 г. Вышеупомянутые статьи были написаны немецко-французским ученым бароном фон Гольбахом, который описывал шаманов как обманщиков и мошенников, которые «устраивают представления с бубнами и живут за счет тех, кто верят их уловкам» [Sobkowiak 2023: 16–17]. П. Собковьяк считает, что Екатерина II была под впечатлением этих интерпретаций [Sobkowiak 2023: 17].

² Петр Собковьяк утверждает, что Амбан Лай мог быть пародией на различных европейских и русских мистиков и теософов XVIII в., таких как Якоб Бёме, Жан-Батист ван Гельмонт, Иоганн Георг Шварц или Николай Новиков, и что Екатерина II использовала термин «шаман» для обозначения «собрания разнородных объектов, пространств, людей и идей, заключенных в одном полиморфном образе» [Sobkowiak 2023: 23–24, 37].

торой обучает своих учеников грамоте. Из источников мы знаем, что Д.-Д. Заяев практиковал тибетскую медицину, что сближает его с Амбан Лаем, который занимается приготовлением травяных снадобий³. Наконец, некоторые его действия и высказывания могут указывать на буддийские практики и воззрения. Так, Амбан Лай предпочитает уединенное созерцание, пребывая в долгом молчании «для достижения небытия», что может указывать на буддийскую медитацию [Екатерина 1786: 34]. Другие его действия более напоминают камлание и шаманский экстаз, а потому его следует рассматривать как некий собирательный образ, в котором Екатерина соединила свои представления об «отсталом» и «архаическом» сибирском шаманстве. Но что кажется весьма вероятным, так это то, что знакомство с Д.-Д. Заяевым оставило в сознании Екатерины II глубокое впечатление, следы которого мы видим в образе Амбан Лая.

Здесь следует особо отметить, что в европейской науке конца XVIII в. и первой половины XIX в. так называемое «ламайство», или тибето-монгольский буддизм, относилось к общей категории идолопоклоннического суеверия. В глазах русских чиновников, миссионеров и даже исследователей оно мало отличалось от шаманства. Как мы видели выше, П. С. Паллас считал его язычеством, отличавшимся от шаманства тем, что оно «сопряжено с некоторым нравоучением» [Паллас 1778: 241]. Таких же воззрений на «ламайство», очевидно, придерживалась и Екатерина.

4. Обожеествляли ли буряты Екатерины?

Мы видим, что, вероятно, отношение Екатерины к бурятским буддистам определялось ее политическими планами и философскими воззрениями. Она смотрела на буддийских лам с позиций политической утилитарности⁴, но при этом скорее всего

³ Хотя имеющиеся источники не подтверждают, что Д.-Д. Заяев практиковал тибетскую медицину, существуют свидетельства, что он собирал компоненты для медицинских снадобий [Нацагдорж 2011: 249].

⁴ Это касается не только якобы имевшихся у Екатерины II планов усиления влияния России во Внутренней Азии и Гималаях, но и использования монастырского буддизма для культивиро-

едва выделяла их из общей среды сибирских «идолопоклонников»¹. Но каким бы ни было ее отношение к бурятам и их религии, у них имелось свое мнение о ней.

Характеризовалось ли оно простым почтением к монаршей особе или доходило до идеи обожествления?

Концепция о людях, являющихся земной манифестацией божественных существ является оригинальной интерпретацией и учения о трех телах Будды, одно из которых — нирманка — является физическим проявлением последнего в сансаре. Идея об обожествленном правителе исторически получила развитие в тибетском буддизме с VIII в. [Dargyay 2003: 364–378; Walter 2009: 215–216] и эволюционировала в представление о божествах, которые, проявляясь в образе земных монархов, оказывают особое покровительство определенным народам и странам. Дэвид Фаркуар убедительно показывает, каким образом с юаньского времени эволюционировала идея о правителях Китая как воплощениях бодхисаттвы Манджушри, наивысшая степень обожествления которого достигла при маньчжурах [Farquhar 1978: 33]. Культ Индры, в буддийской интерпретации получивший имя Ваджрапани, с юаньских времен был связан с монголами и считался божественной сущностью Чингисхана. Позднее и Алтан-хан, и Абатай-хан также объявлялись человеческими воплощениями Авалокитешвары [The Jebtsundamba 1961: 35]. Концепция о гениях-хранителях целых стран и народов, их населяющих, могла подвести и бурят к мысли о включении династии Романовых в эту систему обожествления светских монархов, хотя это представляется странным, поскольку российские монархи не соответствовали базовому критерию для включения в эту систему: они не являлись последователями буддийской Дхармы. Так могла ли тогда православная

вания оседлости среди бурят-кочевников. В этом смысле ее политика в отношении лам не отличалась от ее усилий по укреплению институционализированного ислама в казахской степи [Crews 2003: 50–83].

¹ Некоторые исследователи считают, что отношение Екатерины II к коренным сибирским народам основывалось «на представлении о коренных народах как о „бедных“, живущих „во мраке незнания существа“, нуждающихся в сочувствии и „мягкости“» [Франк 2006: 43].

правительница считаться инкарнацией просветленной буддийской богини?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно внимательно вчитаться в бурятские источники. Это исходит из того убеждения, что если устойчивая и глубоко укорененная традиция обожествления Екатерины и других правителей династии Романовых действительно существовала, она должна была отразиться в письменном материале. Однако то, что мы действительно видим в путевых заметках Дамба-Даржа Заяева XVIII в. и бурятских летописных сочинениях XIX в., это отсутствие упоминания культа Екатерины как воплощенной богини². В таких образцах бурятской историографии, как «Предание о хождении...» и «Путевые заметки», повествующих конкретно о жизни Д.-Д. Заяева, Екатерина II даже не названа по имени и упоминается как «господин правитель» (qayap ejen) или императрица (imperaturiča) [Ванчикова 2006: 42, 128]. Никаких особенных эпитетов к этим обозначениям не прилагается. В бурятских исторических летописях Екатерина Великая упоминается много раз. Это происходит не только в контексте ее встречи с первым Хамбо-ламой, но и в связи с выделением ею в 1792 г. зерна и сельскохозяйственных орудий из казны для помощи бурятам, пострадавшим от падежа скота, а также с делом Амурсаны [Бурятские летописи 2023: 69, 214]. Во всех этих случаях Екатерина упоминается как degedü ejen imperatur ‘верховная госпожа император’ [Урданай бурядайд 2021: 73], degedü ejen qatun qayap ‘верховная госпожа правительница’ [Урданай бурядайд 2021: 73] и degedü ejen imperaturiča ‘госпожа императрица’ [Урданай бурядайд 2021: 122, 164, 213].

Вышеизложенное не соответствует утверждениям некоторых российских публицистов и востоковедов конца XIX в., таких как А. М. Позднеев, Э. Э. Ухтомский и П. А. Бадмаев. Так, в своей брошюре «Ламайские кумирни или статуи божеств» А. М. Позднеев приводит несколько сомнительное в своей катего-

² Единственное упоминание о русских царях как воплощениях просветленного божества (бур. *бурхан*) имеется в хронике селенгинских бурят «Летопись Пахлашкин-ламы», которая, впрочем, является одной из позднейших бурятской летописной традиции. Она датируется концом XIX в. [Бурятские летописи 2023: 313].

ричности утверждение: «Решительно все буддисты на востоке полагают, что „русские белые цари“ суть воплощение богини Цагаан-дара. Верование это, как приходится теперь признать, утверждено даже богдоханами» [Позднеев 1896: 6]¹. Сходное утверждение можно найти в работе известного российского дипломата, публициста и горячего сторонника усиления российской политики на Востоке Э. Э. Ухтомского. Рассуждая о необходимости активизации российского присутствия в Китае, Э. Э. Ухтомский замечает следующее: «Переходная ступень между нами и китайцами — монголы убежденно и бесповоротно усвоили этот взгляд на Россию и ее Верховного Вождя, являющегося для них воплощением милосердной Цаган-Дара-эхэ (одной из лучезарных манифестаций самого Будды). Тибетцы, поддерживающие весьма тесную связь с нашими бурятами, мало-помалу глубоко проникаются тождественными мыслями» [Ухтомский 1900: 49].

Наконец, Петр Бадмаев, чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел, также в числе прочего писал, что буряты считают русских царей «перерождением Белой Тары» [За кулисами 1925: 57].

Интересно, что всех этих авторов объединяло выраженное имперское мышление и отчасти сходство их политических воззрений на внешнюю политику России в буддийской Азии. Последнее касается Э. Э. Ухтомского и П. А. Бадмаева, которые считали, что принадлежность бурят к буддийскому миру является тем ресурсом, который поможет России распространить свое политическое и экономическое влияние во Внутренней и Восточной Азии [Схиммельпеннинк 2009: 78].

Если почитание российских монархов как земных проявлений богини Тары было столь повсеместным в бурятской среде, как это утверждали российские публицисты, то трудно объяснить, почему в буддийской мо-

¹ Автор делает это утверждение в связи с описанием скульптуры Белой Тары (Цагаан-дара), приобретенной им в Жэхэ. А. М. Позднеев обнаружил сходство этой скульптуры с внешностью Екатерины II и привел некое предание, согласно которому эта скульптура делалась с рисованного портрета российской императрицы [Позднеев 1896: 6–7].

литве, составленной Бандидо Хамбо-ламой Дампилом Гомбоевым за здоровье императора Александра II, такое упоминание отсутствует [ЦВРК. Монгольский фонд. М ПШ-923. Л. 3v]. В ней российский самодержец назван чакравартином, сострадательным защитником и божественным владыкой, но воплощением богини Тары буддийский первосвященник его не называет.

Обнаружено всего одно поверхностное упоминание российского монарха как воплощения Белой Тары в письменном буддийском тексте XIX в. Оно содержится в стихотворном описании путешествия в Москву и Петербург бурятского ламы Лубсана Самдана Цыденова, которое было написано в 1896 г. Эта поэма, носящая заголовки «Многokrатно взирающий на устрашающих африканских и бенгальских львов в зоологическом саду», была написана на тибетском языке и переведена на монгольский. Она содержит в себе эмоциональное описание церемонии интронизации последнего российского императора Николая II в Успенском соборе Московского Кремля [НМ РБ. Фонд Цыденова. Инв. № 1]. Венчающийся на царство Николай описывается в поэме с помощью разнообразных эпитетов: «чакравартин», «царевич Рама», «Вишну», «единственный отец», «могущественный защитник», «величайший из монархов», «богоподобный муж», «великое чудо», «восхищение мысли» [Цыремпилов 2020: 24]. В числе прочего Л. С. Цыденов называет Николая воплощением Тары Чинтаманичакры, одной из форм Белой Тары [Цыремпилов 2020: 25]. Тем не менее следует заметить, что использование этого эпитета встречается в тексте только единожды в ряду множества других, которые приведены выше. Любопытно также, что в колофоне своего произведения автор упоминает имя все того же князя Э. Э. Ухтомского, который мог быть заказчиком данного произведения [Цыремпилов 2020: 21].

Не следует с уверенностью утверждать, что вера бурят в воплощение Белой Тары в царствующих представителях династии Романовых является идеей, целенаправленно распространявшейся Э. Э. Ухтомским или другими имперскими чиновниками и исследователями. Вообще отождествление женщин-милостынедательниц с богиней Тарой являлось распространенной практи-

кой в тибето-монгольском буддизме, о чем свидетельствует содержание некоторых колофонов Ганжура и Данжура¹. Но если говорить о некоей устойчивой традиции, связанной с Екатериной II и всеми последующими российскими монархами, на которую ссылаются сегодня представители Бандидо Хамбо-ламы, то подтверждения этому мы видим в основном в сочинениях российских авторов.

Несколько иную картину дает нам анализ бурятского песенного фольклора. Найдены две записи песен, в которых российские монархи называются воплощениями просветленной буддийской богини, хотя и не исключено, что дальнейшие поиски помогут выявить и другие сведения такого рода. Первое свидетельство содержится в бурятской исторической песне, посвященной походу хори-бурят к Петру I в 1702 г. Эта песня была записана упоминавшимся уже российским монголоведом А. М. Позднеевым в Забайкалье в 1870-е гг. В строках песни, восхваляющих первого русского императора, говорится:

Тот, кого называют Белым царем,
Обладает безграничными добродетелями,
Является воплощением матушки Белой
Тары
И нашим святым господином [Позднеев
1880: 206].

Упоминание о русском царе как воплощении Белой Тары в этом образце бурятского устного народного фольклора выглядит серьезным аргументом в пользу существования такого культа. Однакостораживает то, что этот эпитет применяется в отношении Петра Великого, тогда как в его период хори-буряты не были еще буддистами, а одним из главных членов их делегации в Москву была шаманка Эреэжэн-удаган. Бурятский фольклорист М. И. Тулохонов, разбиравший эту песню в своей книге «Бурятские исторические песни», также обратил внимание на это несоответствие, посчитав фрагмент о Белой Таре поздним добавлением к реальной исторической песне [Тулохонов 1973: 100–101]².

¹ По устной информации, полученной от монголоведов К. В. Алексеева и Н. В. Ямпольской.

² М. И. Тулохонов считает, что в образе правителя смешались личности Петра и Екатерины Великой, а добавление данной строфы в песню могло произойти под влиянием дацанской лите-

Другое свидетельство отождествления Романовых с богиней Белой Тарой найдено в коллекции хори-бурятских песен, хранящихся в фондах Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Речь идет о магтале (хвалебной песне), написанном в ознаменование посещения цесаревичем Николаем Александровичем Забайкалья в 1891 г. во время его «кругосветного» путешествия. Песня содержит следующие слова:

Белый царь по имени,
Безграничный по добродетели,
Воплощение белой Дара-эхэ,
Святой повелитель наш.

[ЦВРК. Общий фонд. Инв. № 671]³.

Эта песня является почти дословным повторением более ранней песни, фрагмент которой цитировался выше, что может означать, что к концу XIX в. фраза о Белой Таре приобрела каноническую форму и стала воспроизводиться в различных бурятских песнях без существенных изменений.

На первый взгляд, данные подтверждают существование культа обожествления монархов династии Романовых в бурятской народной среде, но с рядом оговорок. Как явствует из вышеизложенного, этот культ почти не представлен в письменной бурятской традиции. Следы почитания российских монархов прослеживаются почти исключительно в устной песенной традиции, магталах и ульгэрах. К сожалению, на данном этапе нет достаточных данных, чтобы судить, насколько распространенной была традиция обожествления Романовых в бурятской народной среде, и когда именно она получила развитие.

5. Заключение

Прочно утвердившееся мнение об особом почитании бурятскими буддистами ратуры [Тулохонов 1973: 101]. На перевод песни М. И. Тулохонова ссылается известный историк В. В. Трепавлов, который в своих работах также рассуждает об обожествлении Романовых бурятскими буддистами [Трепавлов 2007: 26].

³ Архивное дело «Хвалебные песни Николаю II» содержит только русский перевод магтала, выполненный зайсаном Хоринской степной думы Эрдэни Вамбоцыреновым. Как известно, в путешествии цесаревича Николая Александровича сопровождал все тот же Э. Э. Ухтомский. См. анализ материалов этого архивного дела в [Фролова 2004: 29–33].

российской императрицы Екатерины II вошло уже в разряд истины, не требующей доказательств. Однако пристальный взгляд на источники проблематизирует данное утверждение. Если русскоязычные официальные и неофициальные документы ничего не сообщают нам о признании Екатериной II титула «Бандидо Хамбо-лама», то бурятские источники, сообщая о встрече первого носителя этого титула — Дамба-Даржа Заяева — с императрицей, говорят лишь о знакомстве и беседах между ними. По сути, информация о якобы имевшем месте признании восходит лишь к одной из бурятских летописей, но значение этих сведений существенно снижается из-за отсутствия каких-либо иных доказательств.

В этой статье мы поставили перед собой более широкую задачу: понять, каким было взаимное восприятие бурятских последователей буддизма и российской императрицы Екатерины II. В современных популярных и академических интерпретациях отношения бурятских буддистов к российской императрице описываются как глубокое религиозное почитание, однако анализ существующей историографии слабо подтверждает данное мнение. Свидетельства о почитании Екатерины как воплощения Белой Тары тем не менее сохранились в песенном фольклоре

Источники

Записка Чимитова — Записка Чимитова. Рукопись на монгольском языке // Из личной коллекции Батцэнгэл Нацагдоржа (г. Улан-Батор, Монголия).
НМ РБ — Национальный музей Республики Бурятия.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS).
Chimitov. Note by Chimitov. Manuscript. At:

Литература

Андреев 2006 — *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: СПбГУ, Нартанг, 2006. 464 с.
Бурятские летописи 1995 — Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Бур. респ. тип., 1995. 196 с.
Бурятские летописи 2023 — Бурятские летописи / пер. Ж. Б. Бадагарова. Улан-Удэ: Буряад-

и религиозной поэзии бурят, но в распоряжении исследователей пока имеются лишь единичные образцы, датирующиеся концом XIX – началом XX в. Можно предположить, что широкое распространение несколько преувеличенного мнения о почитании бурятами Романовых как земных воплощений буддийского божества может быть обязано видным лидерам мнений российской политической элиты, продвигавшим идею экспансии российских интересов вглубь буддийской Азии.

Что касается отношения самой императрицы Екатерины к подданным «ламаитам» и их вере, то оно диктовалось ее внешнеполитическими планами в Азии и характерным для европейского Просвещения пренебрежением к архаичным культурам «сибирских идолопоклонников», к которым наряду с анимистами и шаманистами ученые XVIII в. относили и сибирских «ламаитов».

Разумеется, выводы данной статьи не могут считаться полностью убедительными, но в наши задачи входило, главным образом, изложить собственные соображения и обозначить проблему. Нельзя, разумеется, исключать, что упущенные нами или пока неизвестные источники смогут заставить нас пересмотреть выводы, сделанные в данной статье.

ЦВРК — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.
LTWA — Library of Tibetan Works and Archives (Библиотека тибетских трудов и архивов) (г. Дхарамсала, Индия).

Personal collection of Battengel Natsagdorj. Ulaanbaatar. (In Mong.)
Library of Tibetan Works and Archives.
National Museum of the Republic of Buryatia.

Монгол Ном, 2023. 432 с.

Ванчикова 2006 — *Ванчикова Ц. П.* История бурятского буддизма. Источники, переводы, исследования. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. 145 с.
Ванчикова 2008 — *Ванчикова Ц. П.* История буддизма в Забайкалье до 1945 г. // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье / сост. и науч. ред. Ц. П. Ванчикова. М.: Дизайн.

- Информация. Картография, 2008. С. 28–49.
- В Бурятии прошло 2019 — В Бурятии прошло торжественное представление бюста императрицы Екатерины II // Министерство культуры Республики Бурятия. 27 ноября 2019 г. URL: <https://minkultrb.ru/news/news/1117-v-buryatii-proshlo-torzhestvennoe-predstavlenie-byusta-imperatritsy-ekateriny-ii-fotoreportazh/> (дата обращения: 13.08.2023).
- Вашкевич 1885 — *Вашкевич В.* Ламаиты в Восточной Сибири. СПб.: МВД, Деп-т дух. дел иностр. исповеданий, 1885. 145 с.
- Возвращение Екатерины 2020 — Возвращение Екатерины Великой // Мир Байкала. 1 сентября 2020 г. URL: <https://www.world-of-baikal.ru/index.php/mnogolikaya-buryatiya/ukreplyaya-mir-i-soglasie/684-vozvraschenie-ekateriny-velikoj-kak-imperatritsa-vserossijskaya-stala-buddijskoj-boginej> (дата обращения: 13.08.2023).
- Гирченко 1939 — *Гирченко В. П.* Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ: Бургиз, 1939. 92 с.
- Екатерина 1786 — *Екатерина II.* Комедия «Шаман Сибирский». СПб.: Имп. Акад. наук, 1786. 108 с.
- Жуковская 2001 — *Жуковская Н. Л.* К вопросу о награде, полученной Дамба Даржа Заяевым от императрицы Екатерины II // Мир буддийской культуры: сб. ст. Чита: ЗабГПУ, 2001. С. 84–90.
- Жуковская 2013 — *Жуковская Н. Л.* О буддизме и буддистах. Статьи разных лет: 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. 480 с.
- За кулисами 1925 — За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева / ред. и вступ. ст. В. П. Семенникова. Л.: Гос. изд-во, 1925. 175 с.
- Институт 1911 — Институт бандита Хамбо-ламы у бурят в его отношении к ламаизму и миссии // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Ноябрь. Казань: Тип. губ. правления, 1911. С. 611–626.
- Летописи селенгинских 1936 — Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цыренова 1868 г. Текст издал Н. Н. Поппе (Труды Института востоковедения. XII). М.; Л.: АН СССР, 1936. 55 с.
- Намсараева 2019 — *Намсараева А.* Хамбо Лама Этигэлов. Жизнь как вызов. Улан-Удэ: Нова Принт, 2019. 159 с.
- Нацагдорж 2011 — *Нацагдорж Ц. Б.* Об одном источнике о хамбо ламе Д.-Д. Заяеве // Четвертые Доржиевские чтения. Буддизм и современный мир. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 243–254.
- Очерк о ламаизме 1905 — Очерк о ламаизме, составленный под главною редакциею Статс-Секретаря Куломзина И. В. Сосновским. СПб.: Гос. тип., 1905. 78 с.
- Паллас 1778 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья. Половина первая. 1772–1773 годов. СПб.: Имп. Акад. наук, 1778. 479 с.
- Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. 1: Народные песни монголов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1880. 359 с.
- Позднеев 1896 — *Позднеев А. М.* Ламайские кумирни или статуи божеств (из коллекций, составленных профессором Позднеевым). СПб.: Тип. Безобразова и Ко, 1896. 11 с.
- Проскурина 2017 — *Проскурина В.* Империя пера Екатерины II. Литература как политика. М.: НЛО, 2017. 256 с.
- Сазыкин 1989 — *Сазыкин А. Г.* Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). Москва: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 117–125.
- Схиммельпеннинк 2009 — *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
- Тара (буддизм) — Тара (буддизм) [электронный ресурс] // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тара_\(буддизм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тара_(буддизм)) (дата обращения: 13.08.2023).
- Трепавлов 2007 — *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 254 с.
- Тулохонов 1973 — *Тулохонов М. И.* Бурятские исторические песни. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1973. 248 с.
- Урданай бурядайд 2021 — Урданай бурядайд түүхын зохёол / Хүрб. Ж. Бадагаров (= Старинные бурятские исторические сочинения / пер. на совр. бурят. яз. Ж. Бадагарова). Улаан-үдэ: Буряад-Монгол Ном, 2021. 400 с.
- Успенский 2015 — *Успенский В. Л.* Вместо предисловия // Учение Будды в России. 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 8–10.
- Ухтомский 1900 — *Ухтомский Э. Э.* К событиям

- в Китае: об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Восток, 1900. 87 с.
- Франк 2006 — *Франк С. К.* Освоение шаманизма в русской литературе кон. XVIII в. А. Н. Радищев vs Екатерина II // Русская литература и медицина. Тело, предписания, социальная практика. М.: Новое изд-во, 2006. С. 41–54.
- Фролова 2004 — *Фролова Г. Д.* «Богдо-наследник Николай» в хвалебных песнях бурят // Восточная коллекция. 2004. № 4(19). С. 29–33.
- Хамбо лама 2013 — *Хамбо лама.* Мысли наедине. Выдержки из речей / сост. А. Махачкеев. Улан-Удэ: Нова Принт, 2013. 39 с.
- Цыремпилов 2014 — *Цыремпилов Н. В.* Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3(39). С. 96–109.
- Цыремпилов 2020 — *Цыремпилов Н. В.* Москва как буддийский рай: бурятская депутация на коронации Николая II // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 13–31.
- Чимитдоржин 2004 — *Чимитдоржин Д. Г.* Институт Пандито Хамбо Лам. 1764–2004. Улан-Удэ: Изд-во Буддийск. ин-та «Даши Чойнхорлин», 2004. 185 с.
- Crews 2003 — *Crews R.* Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // *The American Historical Review*. Vol. 108. No. 1. February 2003. Pp. 50–83.
- Dargyay 2003 — *Dargyay E. K.* Srong-btsan Sgampo of Tibet. Bodhisattva and King // *The History of Tibet*. Vol. I. The Early Period: to c. AD 850. The Yarlung Dynasty / Ed. by Alex McKay. London; New York: Routledge Curzon, 2003. Pp. 364–378.
- Farquhar 1978 — *Farquhar D. M.* Emperor as Bodhisattva in the Governance of the Ch'ing Empire // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 38. No. 1. 1978. Pp. 5–34.
- King 2021 — *King M. W.* In the Forest of the Blind: the European Journey of Faxian's Records of Buddhist Kingdoms. New York: Columbia University Press, 2021. 294 p.
- Majer, Teleki 2008 — *Majer Z., Teleki K.* Origin and Spread of Buddhism in Buryatia — A Text of Buyandalai Dooramba // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2008. Vol. 61(4). Pp. 477–497.
- O'Malley 1997 — *O'Malley L.* The Monarch and the Mystic: Catherine the Great's Strategy of Audience Enlightenment on the Siberian Shaman // *The Slavic and East European Journal*. Summer. 1997. Vol. 41. No. 2. Pp. 224–242.
- Pallas 1801 — *Pallas P. S.* Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794. T. II. Leipzig: Godefroi Martini, Libraire, 1801. 319 p.
- Rinchen 1959 — *Rinchen B.*, trans. Four Mongolian historical records. Vol. 2 of Indo-Asian Literatures. Mongol Pitaka. New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1959. 155 p.
- The Jebtsundamba 1961 — *The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga / Text, Translation and Notes by Charles Bawden.* Asiatische Forschungen. Band 9. Wiesbaden: Otto Harasowitz, 1961. 91 p.
- Turner 1800 — *Turner S.* An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama, in Tibet: Containing a Narrative of a Journey through Bootan, and Part of Tibet. London: W. Bulmer and Co., 1800. 473 p.
- Walter 2009 — *Walter M. L.* Buddhism and Empire. The Political and Religious Culture of Early Tibet. Leiden-Boston: Brill, 2009. 311 p.
- Znamenski 2007 — *Znamenski A.* The Beauty of the Primitive. Shamanism and the Western Imagination. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. 453 p.

References

- Andreev A. I. Tibet in the Political Agenda of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia. St. Petersburg: St. Petersburg University, Narthang, 2006. 464 p. (In Russ.)
- Bawden Ch. The Jebtsundamba Khutukhtus of Urga (*Asiatische Forschungen* 9). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961. 91 p. (In Eng.)
- Bust of Empress Catherine II triumphantly unveiled in Buryatia. On: Ministry of Culture of Buryatia (official website). Posted on 27 November 2019. Available at: <https://minkultrb.ru/news/news/1117-v-buryatii-proshlo-torzhestvennoe-predstavlenie-byusta-imperatritsy-ekateriny-ii-fotoreportazh/> (accessed: 13 August 2023). (In Russ.)
- Catherine II. The Siberian Shaman: A Comedy. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1786. 108 p. (In Russ.)
- Catherine the Great is back. On: World of Baikal (online news outlet). Posted on 1 September 2020. Available at: <https://www.world-of-baikal.ru/>

- index.php/mnogolikaya-buryatiya/ukreplyaya-mir-i-soglasie/684-vozvrashchenie-ekateriny-velikoj-kak-imperatrissa-vserossijskaya-stalabuddijskoj-boginej (accessed: 13 August 2023). (In Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B., Vanchikova Ts. P. (comps.) *Buryat Chronicles*. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 1995. 196 p. (In Russ.)
- Chimitdorzhin D. G. *The Institution of the Pandito Khambo Lama: 1764–2004*. Ulan-Ude: Dashi Choinkhorling, 2004. 185 p. (In Russ.)
- Crews R. Empire and the confessional state: Islam and religious politics in nineteenth-century Russia. *The American Historical Review*. 2003, February. Vol. 108. No. 1. Pp. 50–83. (In Eng.)
- Dargyay E. K. Srong-btsan Sgampo of Tibet: Bodhisattva and King. In: McKay A. (ed.) *The History of Tibet*. Vol. 1: The Early Period: to c. AD 850. The Yarlung Dynasty. London, New York: Routledge Curzon, 2003. Pp. 364–378. (In Eng.)
- Farquhar D. M. Emperor as bodhisattva in the governance of the Ch'ing Empire. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1978. Vol. 38. No. 1. Pp. 5–34. (In Eng.)
- Frank S. K. Shamanism in late nineteenth-century Russian literature: Alexander N. Radishchev vs Catherine II. In: Bogdanov K. et al. (eds.) *Russian Literature and Medicine: Body, Prescriptions, and Social Practice*. Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2006. Pp. 41–54. (In Russ.)
- Frolova G. D. “Bogdo-Heir Nicholas” in Buryat songs of praise. *Vostochnaya kolleksiya*. 2004. No. 3. Pp. 29–33. (In Russ.)
- Girchenko V. P. *Eyewitness Accounts of Buryat-Mongols by Russian and Foreign Travelers: Seventeenth, Eighteenth, and Early-to-Mid Nineteenth Centuries*. Ulan-Ude: Burgiz, 1939. 92 p. (In Russ.)
- King M. W. *In the Forest of the Blind: The European Journey of Faxian's Records of Buddhist Kingdoms*. New York: Columbia University Press, 2021. 294 p. (In Eng.)
- Majer Z., Teleki K. Origin and spread of Buddhism in Buryatia — A text of Buyandalai Dooramba. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2008. Vol. 61. No. 4. Pp. 477–497. (In Eng.)
- Makhachkeev A. (comp.) *Rev. Khambo Lama [Ayusheev]: Private Thoughts. Quotations*. Ulan-Ude: Nova Print, 2013. 39 p. (In Russ.)
- Namsaraeva A. *Khambo Lama Etigelov: Life as a Challenge*. Ulan-Ude: Nova Print, 2019. 159 p. (In Russ.)
- Natsagdorj Ts. B. One more source on Ven. Khambo Lama D.-D. Zayaev. In: *Fourth Dorzhiev Readings. Buddhism and the Contemporary World*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011. Pp. 243–254. (In Russ.)
- O'Malley L. The monarch and the mystic: Catherine the Great's strategy of audience enlightenment in the Siberian shaman. *The Slavic and East European Journal*. 1997, Summer. Vol. 41. No. 2. Pp. 224–242. (In Eng.)
- Pallas P. S. *Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie, dans les années 1793 et 1794*. T. II. Leipzig: Godefroi Martini, Libraire, 1801. 319 p.
- Pallas P. S. *Travels in Different Provinces of the Russian State*. Vol. 3. Pt. 1: The Years 1772–1773. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1778. 479 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. (ed.) *Chronicles of the Selenga Buryats*. Vol. 1: A Chronicle Recorded from Ubashi Dambi Jaltsan Lombo Tsyrenov in 1868 (Proceedings of the Institute of Oriental Studies 12). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 55 p. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. *Lamaist Sanctuaries or Statues of Deities: Glimpses of Collections Compiled by Professor Pozdnev*. St. Petersburg: Bezobrazov and Co., 1896. 11 p. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. More on the history of Buddhism and its development in Transbaikalia. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1886. Vol. 1. Is. 1. Pp. 169–188. (In Russ.)
- Pozdnev A. M. *Some Patterns of Mongolic Folk Literatures*. Vol. 1: Folk Songs of Mongols. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 359 p. (In Russ.)
- Proskurina V. *The Pen-and-Ink Empire of Catherine the Great: Literature as Politics*. Moscow: NLO, 2017. 256 p. (In Russ.)
- Rinchen B. (ed.) *Four Mongolian Historical Records (Indo-Asian Literatures 11)*. Mongol Pitaka. Vol. 2. B. Rinchen (transl.), R. Vira (foreword). New Delhi: International Academy of Indian Culture, 1959. 155 p. (In Mong. and Eng.)
- Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2009. 421 p. (In Russ.)
- Semennikov V. P. (ed.) *Behind the Curtains of Tsarism: Archives of the Tibetan Medicine Physician Badmaev*. Leningrad: State Publ. House, 1925. 175 p. (In Russ.)
- Sosnovsky I. V. *An Essay on Lamaism Compiled under the Editorial of Secretary of State Kulomzin by I. V. Sosnovsky*. St. Petersburg: State Publ. House, 1905. 78 p. (In Russ.)
- Tara (Buddhism). On: Wikipedia. Available at:

- [https://ru.wikipedia.org/wiki/Tara_\(buddizm\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Tara_(buddizm)) (accessed: 13 August 2023). (In Russ.)
- The Institute of Bandido Khambo Lama among Buryats, and its relation to Lamaism and the Mission. *Pravoslavnyy sobesednik, izdavaemyy pri Kazanskoy dukhovnoy akademii*. 1911, November. Pp. 611–626. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. “The White Tsar”: The Monarch’s Image and Representations of Suzerainty among Russia’s Peoples in the Fifteenth to Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 2007. 254 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. (ed.) Buryat Chronicles. Zh. Badagarov (transl.). Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2022. 432 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. (ed.) Buryat Historical Writings of the Past (The Buryat Anthology 1). Zh. Badagarov (text prep.). Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2021. 400 p. (In Bur.)
- Tsyrempilov N. V. Moscow as a Buddhist paradise: A Buryat delegation at the coronation of Nicholas II. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2020. No. 2. Pp. 13–31. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. When did Russia recognize Buddhism? In pursuit of 1741 Decree by the Empress Elizaveta Petrovna officially recognizing of Buddhism by the Russian authorities. *Humanitarian Vector. History, Political Sciences*. 2014. No. 3(39). Pp. 96–109. (In Russ.)
- Tulokhonov M. I. Buryat Historical Songs. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1973. 248 p. (In Russ.)
- Turner S. An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama, in Tibet: Containing a Narrative of a Journey through Bootan, and Part of Tibet. London: W. Bulmer and Co., 1800. 473 p. (In Eng.)
- Ukhtomsky E. E. On the Events in China: Attitudes of the West and Russia to the Orient. St. Petersburg: Vostok, 1900. 87 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L. In lieu of a preface. In: Popova I. F., Zorin A. V. et al. (eds.) Buddha’s Teachings in Russia: Celebrating the 250th Anniversary of the Institution of the Pandito Khambo Lama. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2015. Pp. 8–10. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. History of Buddhism in Transbaikalia before 1945. In: Vanchikova Ts. P. (comp., ed.) The Land of Vajrapani: Buddhism in Transbaikalia. Moscow: Dizayn-Informatsiya-Kartografiya, 2008. Pp. 28–49. (In Russ.)
- Vashkevich V. Lamaists in Eastern Siberia. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1885. 145 p. (In Russ.)
- Walter M. L. Buddhism and Empire. The Political and Religious Culture of Early Tibet. Leiden-Boston: Brill, 2009. 311 p. (In Eng.)
- Zhukovskaya N. L. About Buddhism and Buddhists: Articles of Various Years, 1969–2011. Moscow: Orientalia, 2013. 480 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. More on the award bestowed upon Rev. Damba Darzha Zayaev by Empress Catherine II. In: The World of Buddhist Culture. Collected papers. Chita: Transbaikalian State Pedagogical University, 2001. Pp. 84–90. (In Russ.)
- Znamenski A. The Beauty of the Primitive: Shamanism and the Western Imagination. Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. 453 p. (In Eng.)

